

Типология спонтанной речи в неродственных языках*

1. Совершенно ясно, что описание любой языковой системы или даже любого фрагмента языковой системы не будет состоятельным без обращения к компонентам другой системы сопоставления, будь то элементарная школьная грамматика.

С чего же начиналось изучение спонтанной речи? Это были непосредственные данные эмпирии, некие идеальные нормы произношения, чтение, часть общей кодификаторской программы и т. д.

Предлагаемые ниже обзорные данные состоят из двух частей.

В первой части высказываются общие соображения о типах и проблемах исследования спонтанной речи в предыдущие 20 лет (прилагается соответствующая библиография). Источниками исследований были: МЛА электронный каталог, Электронный каталог ИНИОН, Каталог диссертационных исследований Российской Государственной библиотеки, Proceedings ICPH 1999, различные статьи и специальные монографии. Работа спонсировалась проектом ИНТАС 00 915.

Общая установка состояла в получении типологических выводов. Материалом служили неродственные языки: русский, финский и нидерландский — в их описании, полученном учеными Санкт-Петербургского университета, также участвующими в проекте ИНТАС 00 915. Общее сравнение результатов требовало универсальной обоймы — набора признаков, которым отвечали бы все полученные из разных источников данные о спонтанной речи. Этот составленный нами набор включал в себя семь основных признаков:

- 1) параметр;
- 2) есть ли сравнение с чтением?
- 3) основной язык исследования;
- 4) язык(и) сравнения;

---

* Настоящая статья имеет расширенный вариант, который печатается в двух частях в серийном издании «Проблемы фонетики».

- 5) тип исследуемой языковой единицы;
- 6) объем материала;
- 7) полученные результаты.

Пользуясь этим «вопросником», авторы статьи проанализировали около 300 работ, посвященных спонтанной речи*.

2. На самом деле феномен, обозначаемый «спонтанная речь», именуется по-разному, например: *spontaneous speech, fluent speech, connected speech, conversational speech, unscripted speech, continuous speech, unrestricted speech, talk-in-interaction, spontaneous discourse, natural discourse, спонтанная речь, устная речь, спонтанный текст, устный текст, устные спонтанные высказывания*.

3. Разумеется, все эти термины несинонимичны. Более того, они свидетельствуют о мучительных поисках лингвистики соответствующих новых терминов. Но все же в настоящее время явно побеждают термины *spontaneous speech* и *спонтанная речь* (это подтверждает библиография).

Итак, сопоставительная часть исследования спонтанной речи опирается на три аспекта сравнения:

1) сопоставление с общим описанием данного языка в целом, т. е. *-emic* единицы сравниваются с *-etic*. Наиболее популярной и цитируемой в этом аспекте является работа К. Колера (Kohler 1990);

2) сравнение «внутреннее», когда один тип спонтанной речи сравнивается с другим (Абдулаева 1988); возможны гендерные сравнения (Shriberg 2001, Branigan et al. 1999); сравнения по «культурному уровню» речи (Лысков 1989); вариации спонтанной речи в различных социальных условиях (Shriberg 2001, Branigan et al. 1999).

3) сравнение спонтанной речи с произношением читаемых текстов. Таких работ оказалось, согласно нашим библиографическим данным, около 15%.

4. Наш обзор строится по следующему принципу: начиная от более общих положений — к конкретным и детальным проявлениям спонтанной речи. Учитываются и сегментные, и суперсегментные характеристики.

4.1. Общие характеристики

Здесь мы различаем два аспекта анализа.

Согласно одному из них, общий набор фонетических средств, используемых в спонтанной речи, идентичен, но функциональная нагрузка каждого компонента системы и его удельный вес могут быть различными.

---

* Их библиография представлена в статье, публикуемой в «Проблемах фонетики».

Согласно другой концепции (Barry, Andreeva 2001), «конкретные модификации различных языков определяются их фонологическими системами». Р. Якобсон был первым, кто определил разницу между грамматическим и эмфатическими элементами просодии и показал, что они находятся в отношении дополнительной дистрибуции (Якобсон 1923).

Какие же характеристики спонтанной речи мы считаем универсальными: Это:

- неплавность (disfluency);
  - деформация облика слова;
  - отличие просодического деления фразы от синтаксического;
  - функциональные и собственно суперсегментные различия в типе подчеркивания (выделения);
  - различие в произношении слов знаменательных и функциональных.
- Более точно можно сказать, что у спонтанной речи — иной план.

А именно:

- 1) ее средства — передавать скорее значение, чем точные детали;
- 2) отсюда идет иное произношение служебных слов;
- 3) отсюда неплавность;
- 4) поэтому нужно изучать паузы, ритм, длительность сегментных единиц, темп;
- 5) модификации сегментных единиц;
- 6) мелодические характеристики;
- 7) интенсивность;
- 8) роль «акцентного подчеркивания».

4.2. Паузы

Языковые паузы выражаются разными способами. В одних случаях это в большей степени перелом мелодической линии (Метлюк 1988; Бурая 1983; Ларченко 1990; Vassière 2002), чем перерыв звучания.

У ведущих теленовостей самые короткие паузы — у американцев, самые продолжительные — у финов (Iivonen et al. 1996). У английских телеведущих паузы в вещании короче, чем в речи (Абдулаева 1988). Интересно, что в некоторых случаях не всегда возможно отличить «языковую» продолжительность паузы и социальный навык передачи теленовостей.

Приведем некоторые примеры. Паузы нетипичны для речи итальянцев, и им трудно понимать спонтанную речь, если ее перебивать паузами, разбивая на короткие синтагмы. Напротив, шведы очень часто перебивают свою речь паузами (Брюс 1999). В русской же речи, если необходимо подчеркнуть какой-либо элемент речи, пауза ставится перед ним и тем самым усиливает подчеркивание (Ларченко 1990).

4.3. Членение и протяженность синтагм. Средняя продолжительность звука

В речи сосуществуют две тенденции. Первая — разделять членением фрагменты речи, вторая (архаическая) — тяга к изохронии речевых отрезков. Например, вторая тенденция характерна для чешского (Потапов 1990), и этим она отличается от родственного болгарского. В то же время в английском (Буряя 1983) и русском языках (Ларченко 1990) изохрония обнаруживается только в коротких отрезках речи.

Темпоральные характеристики различают и коммуникативные стили, и в разных языках это происходит неодинаково. Средняя продолжительность звука (СПЗ) в научном тексте, например, больше, чем в текущей речи. У ведущих теленовостей появляется тенденция отделять самое последнее слово, например у Т. Митковой (см. об этом Николаева 1970; Носова 1977). СПЗ выше в монологе, чем в диалоге (Буряя 1983; Гоголадзе 1987, Дубовский 1979). Самая маленькая СПЗ в русском языке наблюдается в свободной, неофициальной и немоналогической речи (Дубовский 1979).

В русском языке сосуществуют две тенденции: если какое-либо слово выделено, оно пролонгировано (Колокольцева 1984), но тогда фразовая интонация ослабевает (Болотова 2001), а длительность «нормального» фразового ударения больше при чтении, чем в спонтанной речи.

Служебные слова в спонтанной речи могут образовывать особую синтагму и служить базой для конструкции текста. Интересные наблюдения в этом плане сделаны для французского языка, носители которого, в отличие от англичан, сразу же обращают внимание на тон именно вводящих служебных слов (Vaissière 2002).

Итак, согласно темпоральным характеристикам и протяженности синтагмы, языки делятся на две группы, а именно: в одной группе и темп, и протяженность синтагмы выше при чтении; в другой — при спонтанной речи.

Например, в немецком и болгарском (Barгу, Andreeva 2001) СПЗ выше именно в спонтанной речи. Относительно русского языка существует ряд противоречащих друг другу публикаций (Гейльман 1983; Розанова 1978; Метлюк 1988). Белорусский язык вообще отличается более медленным темпом, чем украинский и русский (Метлюк 1988) и меньшим временным контрастом ударных и безударных (Метлюк 1988). Продленностью ударного резко выделяется русский язык (Колокольцева 1984). Темп нидерландского меньше, чем темп английского (Cambier-Langeveld 1999).

Пролонгация при подчеркивании в английском осуществляется во всех позициях, а в нидерландском — только в конце фразы (Cambier-Langeveld 1999).

Кроме того, в некоторых языках осуществляется манипулирование темпом. Таковы, например, русский (Болотова 2001; Розанова 1978) и английский языки (Гоголадзе 1987).

И, наконец, для ряда языков отмечается архаическое выделение двух первых слогов. Это было отмечено Травничком и Селищевым для чешского языка (Travniček 1924; Селищев 1941). И в современном чешском это сохраняется.

4.4. Частота ядерного тона. Мелодические характеристики

При анализе F0 характеристик существует ответ на два вопроса:

1. Как заканчивается мелодика конечной синтагмы в спонтанной речи: восхождением или понижением?

2. Где тональные изменения можно считать более «резкими»: в чтении или в спонтанной речи?

Посмотрим ответы на первый вопрос. Резкое повышение отмечается в нидерландском (Tuomainen et al. 1999), немецком (Лысков 1989), отчасти во французском, особенно у профессиональных ораторов.

Тенденция понижать тон характерна для английского (Абдулаева 1988) и финского языков (Iivonen et al. 1996). Для русского языка говорят о понижении (Носова 1977) и о повышении (Колокольцева 1984). Полученные данные подтверждают идеи Л. В. Бондарко о том, что общая система языка не терпит неких абсолютных отклонений от его стандартной модели (Бондарко 2001).

Ответы на второй вопрос тоже позволяют разделить языки на две группы. В языках первой группы тональный диапазон мал и мелодические перепады лимитированы. Это — финский (Tuomainen et al. 1999) и белорусский (Метлюк 1988), именно поэтому малейшее поднятие тона в этих языках уже воспринимается как подчеркивание (Tuomainen et al. 1999, 31). Во второй группе мелодические изменения более резкие, а тональный диапазон широк. И здесь мы снова возвращаемся к гипотезе Р. Jakobsona о дополнительной дистрибуции эмфатического и грамматического. Так, то, что для нидерландского будет «нормой», для финского будет «подчеркиванием» (Tuomainen et al. 1999). Также точно «нейтральные» мелодемы русского воспринимались как сверхэмоциональные чехами и англичанами (Николаева 1977).

4.5. Интенсивность

Этот параметр исследователями спонтанной речи изучался в наименьшей степени и обычно в связи с каким-нибудь другим параметром. Так, например, выяснилось, что убыстрение темпа провоцирует спад интенсивности (Гоголадзе 1987). В русском языке высокая интенсивность может сохраняться вплоть до слога, предшествующего интонационному центру (Колокольцева 1984).

В целом же проблема интенсивности тесно связана с общей проблемой акцентирования-неакцентирования слов в высказывании. Для русского языка был употреблен даже специальный термин «динамически неустойчивые слова» (Розанова 1978; 1983). Это — местоимения, союзы, частицы, которые могут быть выделены и нет. Контраст характеризует спонтанную речь больше, чем чтение. В украинском языке интенсивность играет меньшую роль (Дубовский 1979) даже в неофициальной спонтанной речи.

4.6. Просодическое подчеркивание

Просодическое подчеркивание, по нашему мнению (Николаева 1982), не является субъективным фактором: оно обязательно должно быть **воспринято** и однообразно **интерпретировано** носителями языка. Но не во всех языках это достаточно адекватно выраженный фактор.

Специальный анализ этого фактора был проделан в книге Т. М. Николаевой «Просодия Балкан» (1996), где носители балканских языков должны были произносить фразы вроде *Even Peter has not resolved the problem; Peter has not resolved even the problem* и т. д. Просодическое подчеркивание не реализовалось в конце фразы. Нечто сходное обнаруживается в различии английского и нидерландского (Cambier-Langeveld 1999). Более интересным наблюдением стало то, что в ряде языков (английском, немецком, русском) акцентное подчеркивание прогностически появлялось на тех же местах и было предсказуемым. Можно было составить некую «карту» высказывания, тогда как остальные параметры: мелодика, длительность и пр. у этих языков различались. Напротив, генетически родственные языки не всегда совпадали по местам акцентного выделения. Строго говоря, лингвистически трудно объяснить, почему требуют выделения такие слова, как *sogar, even, only, nur, только, даже* и т. п. Особое место здесь занимает французский (Martin 1999).

5. Выводы и прогнозы

Обилие разноречивых суждений и выводов не дает возможности сделать определенные заключения. Ясно одно: мы можем говорить лишь о тенденциях, а не о закономерностях. Именно это характеризует спонтанную речь: хаос архаики, набор инноваций. Этим она отличается от тех данных, которые изучает лингвистика, живущая под лозунгом: **можно — нельзя!**

И все же некоторые выводы могут быть сделаны.

Кое о чем говорит родство языков, например, тенденция к слитности у романских языков.

Вторым важным фактором мы можем назвать «коммуникативный навывк», который характеризует языки большой востребованности. У этих языков как бы развивается «второй» просодический уровень: манипуляция темпом, быстрая перемена типа слова в речи, быстрые перемены в частотном диапазоне. Даже совпадение мест и типа подчеркивания говорит именно об этом. С другой стороны, генетические и типологические характеристики языка не позволяют ему так манипулировать просодией. Можно вспомнить старые «законы» как, например, *the law on the incompatibility of the free stress and the phonological quantity* («закон несовместимости свободного ударения и фонологической долготы») (Kramský 1966).

С другой стороны, тенденция говорить без пауз тоже мешает возникновению этого «второго уровня» (например в романских языках). Тогда этот ярус может выражаться и лексически. Мелодически неяркий финский может варьировать интенсивность (Iivonen et al 1996).

Л и т е р а т у р а

Barry, Andreeva 2001 — *Barry W., Andreeva B.* Cross-languages similarities and differences in spontaneous speech patterns // *Journal of the International Phonetic Association*. 2001. Vol. 31. N 1.

Branigan et al. 1999 — *Branigan H., Lickley R. McKelvie.* Non-linguistic Influences on Rates of Disfluency in Spontaneous Speech // *Proc. of ICPhS99*. San Francisco. 1999.

Cambier-Langeveld 1999 — *Cambier-Langeveld T.* The Interaction between Final Lengthening and Accentual Lengthening: Dutch versus English // *Proc. of ICPhS 99*. San Francisco. 1999.

Iivonen et al. 1996 — *Iivonen A., Niemi T., Paananen M., Tiirinen M.* Prosodic characteristics in English, Finnish and German radio and TV newscasts // *Studies in Logopedics and Phonetics 5*. Publications of the Department of Phonetics, University of Helsinki, 1996.

Jakobson 1963 — *Jakobson R.* Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии // *American contributions to the Vth International congress of slavists.* The Hague, 1963.

Kohler 1990 — *Kohler K. J.* Segmental reduction in connected speech in German: phonological facts and phonetic explanations // *Speech production and speech modeling.* Ed. by Marchal, Hardcastle. Dordrecht, 1990.

Kramský 1966 — *Kramský J.* Incompatibility of phonological quantity and free stress // *Travaux du cercle linguistique de Prague.* 1966. N 2.

Martin 1999 — *Martin Ph.* Intonation of spontaneous speech in French // *Proc. of ICPhS99.* San Francisco. 1999. P. 17—20.

Striberg 2001 — *Striberg E.* To 'erɪŋ' is human: ecology and acoustics of speech disfluencies // *Journal of the International Phonetic Association.* Vol. 31. N 1. 2001.

Travniček 1924 — *Travniček F.* Příspěvek k nauce o českém přízvuku. Brno. 1924.

Tuomainen et al. 1999 — *Tuomainen J., Werner S., Vroomen J., Gelder B. de.* Fundamental frequency is an important acoustic cue to word boundaries in spoken Finnish // *Proc. of ICPhS99.* San Francisco.

Vaissière 2002 — *Vaissière J.* Cross-linguistic prosodic transcription // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований. К 70-летию профессора кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Л. В. Бондарко. СПб., 2002.

Абдулаева 1988 — *Абдулаева А. Э.* Инвариантные и вариативные просодические средства в структурировании письменного и устного текста (экспериментально-фонетическое исследование на материале английского языка). АКД. М., 1988.

Болотова 2001 — *Болотова О. Б.* Опыт описания свойств спонтанной речи // Бюллетень фонетического фонда русского языка. Фонетические свойства русской спонтанной речи. Санкт-Петербург—Бохум, 2001. № 8.

Бондарко 2001 — *Бондарко Л. В.* Спонтанная речь и организация системы языка // Бюллетень фонетического фонда русского языка. Фонетические свойства русской спонтанной речи. Санкт-Петербург—Бохум, 2001. № 8.

Брюс 1999 — *Брюс Г.* Моделирование шведской интонации для прочитанной и спонтанной речи // Проблемы фонетики. 1999. № 3.

Бурая 1983 — *Бурая Е. А.* Роль просодии в формировании ритма спонтанной диалогической речи. АКД. М., 1983.

Гейльман 1983 — *Гейльман Н. И.* Фонетические характеристики спонтанной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале согласных). АКД. Л., 1983.

Гоголадзе 1987 — *Гоголадзе Т. А.* Фонетическая организация разновидностей английской спонтанной разговорной речи. АКД. М., 1987.

Дубовский 1979 — *Дубовский Ю. А.* Анализ — синтез — анализ просодии устного текста и его составляющих (экспериментально-фонетическое исследование). АДД. Л., 1979.

Колокольцева 1984 — *Колокольцева Т. Н.* Структурно незавершенные высказывания в русской разговорной речи. АКД. Саратов, 1984.

Ларченко 1990 — *Ларченко Г. Б.* Пауза как просодическое средство смысловой выделенности в устной научной речи (экспериментально-фонетическое исследование). АКД. Л., 1990.

Лысков 1989 — *Лысков В. А.* Социально-обусловленная вариативность просодической организации спонтанного текста. АКД. Л., 1989.

Метлюк 1988 — *Метлюк А. А.* Взаимодействие просодических систем в речи билингва (теоретическое и экспериментально-фонетическое исследование). АДД. М., 1988.

Николаева 1970 — *Николаева Т. М.* Порождение и восприятие речевых отрезков и некоторые лингвистические категории // Материалы III Всесоюзного симпозиума по психолингвистике. М., 1970.

Николаева 1977 — *Николаева Т. М.* Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.

Николаева 1982 — *Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982.

Носова 1977 — *Носова Г. И.* Реализация основных интонационных типов в спонтанной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале русского языка). АКД. Л., 1977.

Потапов 1990 — *Потапов В. В.* Ритмическая организация публицистической и научной речи (на материале чешского, болгарского и русского языков). АКД. М., 1990.

Розанова 1978 — *Розанова Н. Н.* Суперсегментные средства русской разговорной речи (на материале ударения в потоке речи). АКД. М., 1978.

Розанова 1983 — *Розанова Н. Н.* Влияние различной степени ударности на фонетическую деформацию слов // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.

Светозарова 2001 — *Светозарова Н. Д.* Некоторые особенности фонетики русской спонтанной речи // Бюллетень фонетического фонда русского языка. Фонетические свойства русской спонтанной речи. Санкт-Петербург—Бохум, 2001. № 8.

Селищев 1941 — *Селищев А. М.* Славянское языкознание. М., 1941. Т. 1.

Якобсон 1923 — *Якобсон Р.* О чешском языке преимущественно в сопоставлении с русским // Сборник по норме поэтического языка. Прага, 1923. Вып. V.

Исследования по спонтанной речи, представленные на 15-м Международном конгрессе фонетических наук (Барселона 2003)

В предыдущей статье мы демонстрировали достижения в изучении спонтанной речи, полученные за последние 15—20 лет. Анализ новых материалов, полученных на 15-м Международном конгрессе фонетических наук (2003)¹ позволяет не только добавить новые результаты и наблюдения, но и выявить некую линию общей эволюции в изучении спонтанной речи как особого направления фонетики.

1. Некоторые общие положения

На конгрессе в Барселоне был представлен 31 доклад по спонтанной речи. Исследовались различные языки учеными из разных стран.

Только в девяти докладах осуществлялось сопоставление. Это значит, что 22 сообщения были основаны на монолингвальном материале. В шести докладах спонтанная речь сравнивалась с чтением (кстати, в основном это были доклады российских ученых).

В 14 докладах употреблялся термин *spontaneous speech*. Какими же были иные именованья этого явления?

Это: *continuous speech; conversational speech; conversations²; hesitation disfluencies; everyday conversation; speech and reading; turn-talking; talk-in-interaction; casual speech; turn taking; discourse structure; speech-like sequences*. И просто — *speech*.

2. Сравнение с чертами спонтанной речи, описанными в предыдущем обзоре

Ранее мы описывали фонетические феномены по следующему плану:

1. Общие особенности спонтанной речи.
2. Паузы.
3. Членение на синтагмы и их протяженность. Средняя продолжительность звука.
4. Сегментные характеристики.

5. Характеристики «ядра». Мелодические характеристики.
6. Интенсивность.
7. Просодическое подчеркивание.
8. Выводы и прогнозы.

Что же нового — в методическом и теоретическом отношении — предлагают нам труды барселонского конгресса?

Спонтанная речь все меньше исследуется как монолинейный поток, основные параметры которого изучаются. Больше внимания уделяется беседе, разговору, во время которых проходит обмен репликами. Таких работ еще немного, но их новаторский характер несомненен. Какие же новые проблемы при этом возникают? Прежде всего — это приметы конца предыдущей реплики, после которой очередной коммуникант может вступать в разговор. Ведь этикет требует не перебивать коммуниканта. Тогда как же узнать о том, что в разговор вступить может и другой? По каким параметрам это можно узнать?

На конгрессе в Барселоне этим вопросам было посвящено 11 докладов, примерно треть всех сообщений, т. е. они сегодня явно — «знамение времени».

3. «*Phonology of conversation*»

Этот термин употреблялся на конгрессе часто и означал, что в разговоре принимает участие несколько человек. По сути, термин «*phonology of conversation*» означает появление новой области фонетики и фонологии, поскольку они являются попыткой создать новую модель человеческой коммуникации как таковой и ее фонетического аспекта — в частности.

Доклад **J. Local** «*Phonetics and talk-in-interaction*»³ в этом отношении был типичен. В нем говорилось, что несмотря на многие достижения в области изучения спонтанной речи, основные проблемы еще не решены. Ведь мы не знаем, как описать общую модель «фонетики разговора». Доклад этот в целом чисто теоретический. J. Local намечает общую программу создания «*phonology of conversation*» и предлагает включать в исследования некие (пока неизвестные) «ключи», в которых просодия и фонетика неотделимы от лексических показателей.

Очевидно, что выработка основных постулатов «*phonology of conversation*» или, иначе, «*phonetics of talk-in-interaction*» должна в первую очередь ориентироваться на описание и выявление границ речевого сигнала

в разговоре. Так, **R. Ogden**, анализируя записи десяти финских дикторов в финских «talk show» опирается прежде всего на качества голоса при беседе. Понимая, что решить проблему конца реплики не так просто, он концентрируется на особых маркерах «перехода». **R. Ogden** приходит к следующим выводам: важны такие параметры, как вдох, хрипота, то, что у нас называют «фонации» и т. д., наконец, он обращает внимание на лексические показатели конца фразы, например особые финские частицы.

Сходные проблемы обсуждались в докладе **B. Peters**, который назывался «Multiple cues for phonetic phrase boundaries in german spontaneous speech» и во многом был ориентирован на синтаксическую структуру и прагматическую направленность единиц в коммуникации. Материалом ему служил широко известный «The German Kiel Corpus of spontaneous speech». Петерс приходит к выводу (впрочем, весьма предсказуемому и заранее), что конец коммуникативной единицы характеризуется резким изменением ядерного тона, паузой, придыханием, предпаузальным продлением и интенсивной глоттализацией конца высказывания. Согласно его выводам, хезитационные паузы могут служить сигналом незаконченности единицы речи, тогда как нехезитационные паузы обозначают конец речевой единицы.

Тот факт, что конечное продление последнего ударного слога в синтагме, а также длительная пауза, маркируют коммуникативный конец речевого отрезка, было известно уже более 50-ти лет тому назад. Однако, эти проблемы возникают снова и снова. Например, им посвящен доклад **Li-chiung Yang** «Duration and pauses as phrasal and boundary marking indicators in speech»⁴. Автор этого доклада приходит к выводу, что различие «связующих» пауз и «заканчивающих» зависит от множества факторов: речевого стиля, речевого жанра, даже пола говорящего. В частности, большая часть «связующих» пауз (73,3%) употребляется в спонтанной речи людьми с «хорошим» коммуникативным навыком, тогда как «несвязующие» паузы коррелируют с эмфазой, изменением ритма и под. Число связующих пауз возрастает в коротких беседах, например интервью, когда люди перебивают друг друга, вставляют ремарки и т. д. В заключение автор приводит гистограммы дистрибуции пауз по длительности: функциональные, связующие паузы обычно длительнее. Но он и сам подтверждает распространенное мнение, что в такой точной науке, как экспериментальная фонетика, «велосипед нужно изобретать снова и сно-

ва». В частности, он говорит: «Наши результаты демонстрируют, что длительность пауз зависит от их статуса, а от них в свою очередь — долгота слогов в высказывании в целом, и потому по длительности слогов мы можем предсказать и близость паузы, и ее статус» (Li-chiung Yang. P. 1791).

Более конкретные данные о функции и длительности связующих пауз в речи приводятся в докладе **K. Weilhammer, S. Rabold** «Durational aspects in turn taking». Ими изучался такой сложный элемент речи при стыке отрезков, как «перехлест» (overlap), характерный для неформальной живой речи. Ценность доклада состоит в том, что сравнивались данные немецкого, американского английского и японского языков. Подробно изложенный материал демонстрирует оптимальную разницу в типе «перехлеста» в этих языках.

Как мы уже упоминали, в докладах по этой проблематике стала все чаще высказываться мысль о роли лексических факторов, которые, вместе с просодическими и сегментными маркерами, демонстрируют так называемый коммуникативный пассаж.

Корреляция всех этих факторов была продемонстрирована в выступлении **M. Heldner, B. Megyesi** «Exploring the prosody-syntax Interface in conversations». Их материалом служил интерактивный 25-минутный диалог на шведском языке в форме радиointервью, где исследователи обнаружили корреляцию двух типов:

1) чисто лингвистические факторы, которые показывают окончание фразы;

2) просодические факторы. По степени своей предсказуемости паузы также делятся на две группы, а именно: если перед паузой стоит полноценное лексическое слово, то обязателен переход к следующей фразе, а если служебное слово — то это не так обязательно⁵.

Согласно их результатам перед паузами не бывают: числительные, наречия и местоимения, а possessивы и артикли вообще невозможны. Все это, по мнению авторов, необходимо учитывать при работах по синтезу речи.

Сходные проблемы обсуждались и в докладе **R. Carlson, M. Swerts** «Perceptually based prediction of upcoming prosodic breaks in spontaneous Swedish speech materials» (также на шведском материале). Это было радиointервью с популярной женщиной — политическим деятелем, из кото-

рого было взято 60 фрагментов примерно по две секунды. Все эти фрагменты начинались со слова *och* 'и', их слушали (в начале) 13 студентов, которые должны были предсказать, будет ли конечная пауза «сильной» или «слабой». Результат показал, что такого мини-контекста все-таки недостаточно.

Особые средства речевых «поворотов» в беседе были продемонстрированы в работе **G. Walker** «“Doing a rushthrough” — A phonetic resource for holding the turn in everyday conversation». К сожалению, мы не смогли точно перевести этот новый для фонетики термин, хотя автор и утверждал, что это ведущее понятие для «phonology of conversation»⁶. Судя по тому, что исследователь изучал записи телефонных разговоров между родственниками и друзьями в США и Великобритании, мы можем предположить, что речь идет о внезапном просодическом «прорыве» в конце разговора, когда говорящий дает понять, что он кончил говорить и в свою очередь ожидает ответа. Автор пишет, что это явление связано со способностью манипулировать темпоральной компрессией последнего слога, а также тоном и интенсивностью. Докладчик считает, что «rushthrough» — это несколько необычная манера заканчивать разговор.

Все сказанное ранее относилось к обсуждению конца коммуникативной реплики. В то же время в некоторых докладах делались попытки исследовать инициальные (и просто — неконечные) фрагменты высказываний. Например, **E. Couper-Kuhlen** в сообщении «On initial boundary tones in English conversation» подчеркивает: резкий подъем ядерного тона свидетельствует о семантических изменениях тона речи, например о непонимании собеседника и подчеркивании этого. Напротив, резкий подъем начала говорит о желании продолжать беседу.

Проблема соотношения между начальным усилением слова и реальным синтаксическим началом фразы обсуждалась в докладе **J. M. McQueen, Taehong Cho** «The use of domain-initial strengthening in segmentation of continuous English speech». Для того, чтобы понять, какой именно фактор доминирует, авторы сравнивали следующие пары:

- (1) John forgot to buy bus # tickets for his family.
- (2) When you get on the bus # tickets should be shown to the driver.

Было предложено 48 подобных пар. В эксперименте участвовало 47 студентов — носителей английского языка.

Результат в известной степени был предсказуемым. Конечно, усиление слова имело значение, но если оно было связано с правильным синтаксическим введением фразы, то этот последний фактор перевешивал.

Последний доклад из этой группы — очень интересное сообщение о том, что происходит, когда в речь вмешиваются (накладываются) неречевые ритмы, например, если люди разговаривают в ресторане. Авторы **P. Divenyi, A. Brandmeyer** («The “cocktail-party effect” and prosodic rhythm: discrimination of the temporal structure of speech-like sequences in temporal interference») приходят к выводу, что люди умеют улавливать и неречевые ритмы во время беседы. Информантами служили пять молодых людей и семь пожилых. Предпочитаемый ритм молодых — дактиль, а у пожилых — амфибрахий. Но все же авторы приходят к выводу, что эта способность подстраиваться под разные ритмы с годами слабеет.

4. Параметры «неплавности» и временные структуры

В отличие от предыдущих конгрессов только пять докладов были посвящены темпоральным характеристикам спонтанной речи и членению речевых отрезков паузами хезитации⁷.

Методологические проблемы презентации темпоральной структуры высказывания обсуждались в совместном докладе **C. Auran** и **A. Di Cristo** «Towards automatic annotation of temporal features in discourse: the case of syllabic duration in spontaneous French». Исследование состояло из нескольких этапов. В начале семь франкофонных участников слушали трехминутное радиоинтервью (говорили две француженки). Задача была — отметить «ударения», паузы, описать темп, подчеркивания, а также относительную длину слогов. Далее (использовалась система Праат) эти же разметки делались автоматически. Следующий этап выявлял корреляцию между объективной и субъективной характеристикой речевых параметров. Конечным этапом было построение алгоритма, который мог бы прогнозировать субъективные впечатления по объективным данным.

Хезитации анализировались в двух докладах конгресса.

В коллективном докладе шведских фонетистов (**M. Horne, J. Frid, B. Lastow, G. Bruce, A. Svensson**) «Hesitation disfluencies in Swedish: prosodic and segmental correlates» демонстрировалось параллельное изучение темпоральных характеристик в конце фразы, находящихся перед хезитацией, и размещение двух шведских союзов *att* 'что' and *och* 'и'. Мы хотим

здесь напомнить, что феномен значимости функционирования знаменательных и служебных слов, правда при чтении, интересовал фонетистов уже давно. Шведские исследователи заметили следующие закономерности:

- если хезитации предшествует союз, то гласные удлиняются;
- аспирационная фаза увеличивается;
- в то же время ядерный тон уравнивается с тоном знаменательных слов;
- длительность пауз и аспирация находятся в отношении дополнительной дистрибуции.

В докладе **A. Gianini** «Hesitation phenomena in spontaneous Italian» говорилось о различиях в хезитации в диалектах Италии. При этом изучались длительности гласных и их спектральные характеристики в диалектах четырех регионов (южные и центральные группы). Просодические характеристики при этом были достаточно различающимися.

В докладе «The change from left word-edge stress to right word-edge stress» **J. Haïke** была изучена диахрония, связанная с движением словесного ударения слева направо на протяжении всей истории латинского языка. Хотя по этому поводу было написано и опубликовано множество исследований, Хайке практически не упоминает их вовсе, кроме чисто фонетических, как, например, монографии Э. Палгрэма⁸, описавшего фонетические системы вульгарной и классической латыни. В своем докладе Хайке устанавливает корреляцию между «отодвижением» латинского ударения к концу и тенденцией присоединять к концу слова латинские частицы *-ve*, *-ne*, *-ce*, *-met*, *-que* (они маркировали конец фразы или синтагмы в спонтанной речи).

Данные спонтанной речи и чтения сравнивались в двух докладах. **O. Engstrand** и **D. Krull** («Rhythmic intentions or rhythmic consequences? Cross-language observations of casual speech») сопоставляли данные двух языков: шведского и испанского. Им удалось обнаружить, что в спонтанной речи слоги бывают по времени эквализованы, чего никогда не возникает при чтении. Феномен этот отмечен и в испанском, и в шведском языках. Кроме того, в шведском меньше разница по длительности в спонтанной речи, чем при чтении. В испанском же языке слоги в спонтанной речи короче в целом⁹. Авторы доклада делают два основных вывода: 1) «эквализация» слогов зависит от их абсолютной длительности (в шведском,

например, представлено множество консонантных кластеров, чего нет в испанском); 2) в спонтанной речи наблюдается тенденция к стиранию разницы между языками stress-timed и syllable-timed.

Фундаментальный русский материал был проанализирован в докладе **О. Bolotova** «On some acoustic features of spontaneous speech and reading in Russian (quantitative and qualitative comparison methods)». Исследовательница установила корреляции между временными характеристиками звуков и вариативностью аллофонов при чтении и в спонтанной речи. При этом оказывается также релевантной позиция звука по отношению к ударению. В спонтанной речи, как отмечает О. Болотова, число аллофонов значительно больше. Наибольшую вариативность демонстрирует русское [a]. Как в спонтанной речи, так и при чтении тип звука зависит от его позиции по отношению к мелодическому подчеркиванию.

5. Данные интонации и тональные параметры

На конгрессе было представлено необычно мало докладов, посвященных просодическим характеристикам спонтанной речи, однако и в них поднимались новые проблемы. Доклад **Ж. Tondering** «Intonation contours in Danish spontaneous speech» описывал современное состояние изучения датской интонации. В этой области, как известно, основным авторитет — Нина Гроннум. Й. Тондеринг попытался применить положения Гроннум к спонтанной речи. Согласно его концепции, деклинация интонации должна быть описана и определена как линейная функция двух независимых переменных: позиции ударного слога во фразе в целом и его позиции в просодическом слове. Н. Гроннум анализировала просодические параметры при чтении. Здесь линейная регрессия достигала 90,5%. Используя и трансформируя ее материалы, Й. Тондеринг проанализировал речь восьми носителей датского языка. Он обнаружил, что соответствие данным при чтении наблюдается только в диапазоне от 14,1 до 34%. Он объясняет это тем, что в спонтанной речи наблюдается очень много «подчеркиваний», а в датском языке постударный слог «повышается» и тем самым препятствует дальнейшей деклинации.

Просодия чтения и спонтанной речи сравнивалась и чешским фонетистом **Т. Duběda** («Prosody and syntax in spontaneous speech: evidence from Czech and French»). Согласно полученным данным, невозможно сравнивать интонации без обращения к различиям синтаксического строя ана-

лизируемых языков. Вот почему он выбрал языки, кардинально различающиеся синтаксически — чешский и французский. По его данным, различия при чтении у этих двух языков оказались более значительными, чем в спонтанной речи, в частности, это относится к сокращению различий длительности ударного и безударного слогов (а в чешском «исчезает» фактор фонологической долготы).

Греческий материал был представлен коллективом авторов в докладе «Collective discourse structure and prosodic correlates» (**R. Bannert, A. Botinis, B. Gawronska, A. Katsika**). Они изучали принцип семантического членения речевого потока (в особенности при введении нового топика), а также семантику членения интонационного потока. Материалом служили теленовости, произносимые дикторами (мужчиной и женщиной) на греческом телевидении. Авторы доклада приходят к выводу, что основной базой просодии высказывания является новый топик. В этом случае первые слоги топика подчеркиваются мелодикой и пролонгацией. В конце топика интонация понижается до такой степени, что практически стираются гендерные различия, а корреляции интонации и длительности становятся нерегулярными.

Общий доклад **N. D. Svetozarova** и **A. Kuosmanen** «Declination and finality in spontaneous and read speech in Russian» также базировался на сравнении интонационных моделей в спонтанной речи и чтении. Исследовательницы различали два связанных друг с другом явления, а именно — общую составляющую тона, описанную в русской интонологии уже 40 лет тому назад О. Кривновой¹⁰, и абсолютный конец, основа для того, что коммуникант почувствовал бы конец речевого отрезка. Авторы пришли к выводу, что такой «абсолютный» конец характерен, скорее, для чтения, чем для спонтанной речи, где маркерами конца могут служить частицы вроде *вот, ну вот* (см. аналогичные идеи, высказанные в докладе Хайке). В то же самое время деклинация, будучи средством, параллельным абсолютному концу, служит для адресата маркером приближающегося конца фразы.

Специфика восприятия чтения и спонтанной речи изучалась также в докладе **C. Bogliotti** «Relation between categorical perception of speech and reading acquisition», результаты которого можно было легко предсказать. Эксперимент состоял в том, что на первом этапе дети 6—7 лет должны

были различать [do] и [to], а на втором это делали дети 10 лет. Старшая группа выполняла задание лучше, причем внимание уделялось тому, насколько хорошо они умеют читать.

Выводы эти были бы уж совсем очевидны заранее, если бы не велик важному сейчас вопросу диахронии: нужно ли различать глухие и звонкие аллофоны для ранних этапов языковой реконструкции.

6. Вариативность сегментных характеристик слова

Как и на прежних конгрессах, число работ о модификации слова и его сегментных характеристик в спонтанной речи было довольно значительным. Новаторским было то, что исследователи понимали спонтанную речь не только как особый тип речевого потока, отличный от «канонического» стандарта, но как орудие коммуникации со своей сложной системой компенсаторных средств и взаимных замен. Вот почему именно в этой сфере было много докладов типологического характера.

Так, например, в работе **Tzu-ting Su** «Using the same methodology to compare reduction and assimilation phenomena in spontaneous French and Taiwanese Mandarin», различались два класса полученных фактов: факты универсальные и типичные для отдельных проанализированных языков. К универсальным относятся редукция и ассимиляция (назализация, фузия и т. д.).

Однако анализ более частных деталей (для каждого языка исследовался корпус спонтанной речи длительностью 18 минут, произнесенный шестью французами и шестью китайцами) продемонстрировал ряд лингвоспецифичных факторов. Так, во французском гласные модифицируются сильнее, чем в китайском, зато консонанты изменяются по более сложной иерархической системе. И все же в обоих языках [s] и назальные звуки никогда не редуцируются. Автор объясняет ряд особенностей китайского его тональностью: система языка не предполагает фонологических трансформаций.

Интересный материал был представлен в коллективном докладе японских лингвистов: XXXX¹¹ «Use of a large scale spontaneous speech corpus in the study of linguistic variation». Исследование базировалось на материале спонтанной речи особого корпуса японского языка (CSJ), содержащего 7000000 слов, произнесенных в течение 640 часов. Особое внимание было

уделено «стилистике» спонтанной речи, представленной в двух вариантах: 1) речь «академическая» (лекции, доклады и т. д.), 2) сообщения по самым обычным поводам, например, «Мое самое яркое переживание» или «Город, в котором я живу». Специальная группа объединяла в «центр» фонетические совпадения обоих стилей.

Авторами исследовались: 1) редукция и полное исчезновение закрытых гласных; 2) редукция долгих гласных; 3) стягивание частиц в одно слово; 4) назализация частицы *no*. Кроме того, они изучали просодические вариации в системе ToVi. В результате они пришли к выводу о различающемся характере прагматического употребления в указанных двух стилях спонтанной речи. Сегментные черты, как известно, иерархическая система, и авторы считают наиболее важным выводом тот факт, что все вариации в речи связаны имплицативным образом, и потому модификация одного фрагмента системы предполагает соответствующие изменения других фрагментов.

Мы уже упоминали не раз, что одним из наиболее важных достижений в области изучения спонтанной речи явилось установление различий в модификации знаменательных и служебных слов. Напомним: функциональные слова больше изменяются при чтении и в условиях «лабораторного» произнесения, а знаменательные слова — в спонтанной речи.

Подобные различия анализировались в докладе **O. Corbin** «Phoneme deletion in spontaneous British English», где исследовалась абсолютная редукция гласных и согласных. Четверо носителей британского английского вели разговор. Данные показали, что согласные больше склонны к «исчезновению», чем гласные. С другой стороны, в знаменательных словах по сравнению с функциональными, больше «исчезают» гласные, а в функциональных — консонанты. Но в целом гипотеза об относительной «стабильности» функциональных слов не подтвердилась. Британский английский сравнивался с французским и тайванским китайским. Оказалось, что китайский ближе к английскому ($C : V = 5\% : 3\%$), тогда как французский, напротив, продемонстрировал тенденцию к «исчезновению» гласных, а не согласных.

Собственно модификации гласных в спонтанной речи были посвящены два доклада. В сообщении **K. Nikolaidis** «Acoustic variability of vowels in greek spontaneous speech», анализировалась вариативность гласных в гре-

ческой спонтанной речи. Заслушивались монологи двух греческих дикторов-мужчин. Цель исследования состояла в том, чтобы определить спектр вариаций пяти греческих гласных [i, e, a, o, u]. Принималась во внимание целая совокупность факторов: позиция словесного ударения, позиция анализируемого сегмента во фразе, темп этого сегмента, стиль речи как таковой и т. д. В результате оказалось, что огромное число вариаций допускает по длительности [a], но не другие гласные вокального треугольника (это вполне сопоставимо с соответствующими результатами, полученными О. Болотовой; см. выше). По длительности [i] превышало [u]. Спектральный анализ продемонстрировал значительные сдвиги первой и второй формант у всех гласных. Изменения были таковы, что в некоторых случаях спектрограммы всех гласных казались почти идентичными.

Второй доклад, в котором исследовались гласные, относился к региональным различиям датского языка. Это был доклад **M. Ejstrup** и **G. Foget Hansen** «Danish vowels in spontaneous speech in three modern regional variants». Анализировались три «региолекта»¹². Сам метод исследования довольно необычный. Известно, что в датском языке ударные слоги могут выражаться 16-ю фонемами. Большинство из них бывают долгими или краткими. В свою очередь долгие фонемы могут иметь «stød» или нет. Исследователи составляли списки слов с этими гласными и сделали набор рисунков, репрезентирующих те объекты, в которых должны были произноситься те или иные фонемы. В беседе с информантами указывали на эти рисунки. Полученные данные, по мнению авторов, демонстрировали различия «региолектов», отличающиеся от тех, которые были выявлены при чтении.

В докладе **D. Duez** «Acoustic properties of consonant sequences in conversational French speech» анализировались различия консонантов в произнесении и в перцепции. Эта работа состояла в изучении последовательности двух согласных, которые либо входили в один и тот же слог (безразлично в его начале или в конце), либо в слоги, примыкающие друг к другу. Спектрограммы сопоставлялись с перцептивными данными. В спонтанной речи эти последовательности согласных подвергались различным степеням редукции и ассимиляции (это описывается детально).

Во французском языке самой длительной была конечная фаза высказывания и именно она модифицировалась в наименьшей степени¹³. Но в целом реакции перцептивного характера и акустические данные в принципе совпадали.

Сходные проблемы (но выполненные в другой методике) обсуждались в докладе **R. Greisbach, D. Mucke and M. Warnking** «Articulatory investigations of assimilatory processes in German spontaneous speech». Материалом служил немецкий язык. Здесь сопоставлялись артикуляторные и акустические феномены. Авторы в основном были сосредоточены на типах звуковых ассимиляций. Исследование показало, что не всегда оказывается возможно в акустическом сигнале отделить полное отсутствие «речевых жестов» и их недостаточность. Кроме того, и сами дикторы использовали неединообразные средства редукции и ассимиляции звуков.

7. Начала типологии спонтанной речи

Во всех тех работах, о которых говорилось выше, анализировался как правило один фрагмент спонтанной речи как системы. Системное сопоставление основных параметров спонтанной речи с параметрами при чтении было представлено¹⁴ в докладе **Liya V. Bondarko, N. Volskaya, Svetlana O. Tananaiko, Ludmila A. Vasilieva** «Phonetic properties of Russian spontaneous speech», в котором были доложены данные по спонтанной речи пяти носителей русского языка в возрасте от 18 до 55 лет. Текст для чтения был составлен из спонтанных монологов тех же дикторов. Анализу подвергались и просодический, и сегментный уровни. Выяснилось, например, что число интонационных единиц в спонтанной речи регулярно превышало число единиц при чтении. В обеих версиях средняя продолжительность интонационной единицы была примерно 1,5 секунды (это соответствовало результатам, полученным и для других языков). Зато паузы были более длительными при чтении. Детализированные и разработанные табличные данные показывают, что спонтанная речь более вариативна. Особенно велико было число вариантов в формантной структуре постударных слогов. Выверенные выводы позволяют говорить о том, что различия спонтанной речи и чтения в русском языке значительны, а разница между системами остается регулярной безотносительно к возрасту диктора.

Строго говоря, на конгрессе из числа докладов, посвященных спонтанной речи, только один можно назвать типологическим. В нем рассматривался материал трех языков, генетически не связанных: русского, нидерландского и финского. Это был доклад **V. de Silva, A. Iivonen, L. V. Bondarko, L. C. W. Pols** «Common and language dependent phonetic differences between read and spontaneous speech in Russian, Finnish and Dutch» (исследование финансировалось проектом ИНТАС 00 915). Анализ предполагал несколько уровней, результаты которых должны были согласоваться друг с другом. Первой задачей был сам поиск тех акустических параметров, которые отличали бы чтение и спонтанную речь. На следующем уровне важно было отличить те универсальные черты функционального расхождения, которые свойственны были всем языкам, и особенности, характеризующие каждый язык в отдельности (из числа рассмотренных). На третьем уровне важно было определить, до какой степени система языка в целом позволяет осуществлять модификационно-ассимиляционные процессы в спонтанной речи. Анализировались сегментные, суперсегментные и интонационные параметры. Предварительные результаты показали, что для различения чтения и спонтанной речи не релевантен параметр F0. Во всех анализировавшихся языках средняя продолжительность звука была выше в спонтанной речи, чем при чтении. Во всех трех языках финальная часть слова демонстрировала тенденции к ассимиляции и деформации. Однако сами эти процессы различались в соответствии с возможностями системы каждого из языков в отдельности.

8. Некоторые обобщения

Постараемся сделать некоторые выводы на материале докладов Барселонского конгресса.

1. Прежде всего, очевидно изменение самого взгляда фонетистов на спонтанную речь как объект исследования.

2. Спонтанная речь интересна теперь в первую очередь не как система, особым образом структурированная. (Хотим напомнить, что Московская группа 60—70 х годов даже ставила вопрос о «диглоссии», о владении носителем двух систем и изучала спонтанную (разговорную) речь на всех уровнях.) Теперь важно, что это прежде всего **речь**. Иными словами, она

рассматривается как текст, порождаемый людьми. Вот почему гораздо большее внимание уделяется границам коммуникативных фрагментов, поисков тех сигналов (а это еще совсем неясно и теперь), позволяющих коммуникантам вступать в разговор или, напротив, останавливаться. Итак, появляется новый термин и новая область — «phonology of conversation». Хотим еще раз напомнить, что именно эта область рассматривается в 11 докладах из 31! И неслучайно, что исследователи настоящего времени уделяют все больше и больше внимания таким явлениям, как глоттальная смычка, смена фонации и др.

3. Однако все еще в фокусе внимания находятся такие феномены, как словесная модификация в целом: ассимиляции, редукция, фузия, изменение числа аллофонов, деформация конца слова и т. д.

4. Как и раньше, во многих работах обсуждается различие в функционировании знаменательных и служебных слов в спонтанной речи, если ее сравнивать с чтением или «каноническим» произношением.

5. И все же ряд докладов по спонтанной речи на конгрессе в Барселоне содержит сведения, уже сообщавшиеся докладчиками ранее на предыдущих конгрессах.

6. Собственно сопоставительных докладов на 15-м конгрессе было немного (например, не сравнивалась речь разных поколений, речь здоровых и больных и т. д.). Наконец, мало внимания было уделено лингвистическим сопоставлениям.

7. На предшествующих стадиях изучения спонтанной речи многие исследователи интересовались прагматическим и функциональным аспектом речевых компонентов в спонтанной речи, возможностями речевого (прежде всего — просодического) манипулирования: возможностью менять темп, тон, изменять место ударения в слове или в словосочетании. Подобных докладов на 15-м конгрессе не было.

8. В предыдущей статье мы выдвинули гипотезу о связи ряда черт спонтанной речи с «международной востребованностью» данного языка. Нами также была сделана попытка скоррелировать системные отношения разных уровней спонтанной речи в соответствии с этими «требованиями». Возникновение такой новой области, как «phonology of conversation» ставит перед фонетистами несколько иные проблемы. Поэтому ряд наших предыдущих выводов должен быть несколько скорректирован.

Примечания

¹ Мы проанализировали только те доклады, которые были представлены в Proceedings 15 ICPhS. В Библиографию включены все эти работы, расположенные в алфавитном порядке.

² См., например: *Heldner M., Megyesi B.* Exploring the prosody-syntax interface in conversations; *Couper-Coulen E.* On initial boundary tones in English conversation.

³ Библиографические данные см. в в конце нашего обзора.

⁴ Одним из серьезных недостатков ряда авторов является тот факт, что они часто не сообщают, о каком языке, собственно, идет речь. Только в конце текста читатель начинает об этом догадываться (как правило, это относится к английскому языку).

⁵ С точки зрения «обычной» лингвистики текста, подобные выводы вполне предсказуемы, поскольку так называемые функциональные слова — частицы, союзы и даже наречия — призваны «продолжать» дискуссию и тем самым сокращать паузу.

⁶ Наши консультации даже с самыми серьезными специалистами по английскому языку и поиск в словарях не объяснил этого термина. В докладе он дается или в кавычках или курсивом. И все-таки он означает что-то вроде «неожиданное и резкое прерывание текста».

⁷ Предложенная нами композиция обзора не абсолютна: существуют и другие способы представления материала, например «по языкам».

⁸ См.: *Pulgram E.* Latin-Romance phonology: proclitics and metrics. München, 1975.

⁹ Данные многих языков показывают квазиуниверсальность такой корреляции.

¹⁰ См., в частности: *Кривнова О. Ф.* Составляющая несущего тона в структуре мелодической кривой фразы // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975.

¹¹ К сожалению, декодирующая система использовавшегося нами CD с записью работ конгресса не дала возможности правильно прочесть имена докладчиков, записанных японскими иероглифами.

¹² Авторы сознательно избегали термина «диалект», поскольку для них он связан с более архаичным делением страны в целом.

¹³ Это явление достаточно типично для большинства европейских языков, исключение, пожалуй, составляют языки Балкан.

¹⁴ Работа содержала огромное число конкретных данных и потому могла бы быть описана в любых частях нашего обзора.

Библиография

1. XXX*. Use of a large-scale spontaneous speech corpus in the study of linguistic variation // 15th ICPHS Barcelona. P. 643—646.
2. *Auran Cyril, Di Cristo Albert*. Towards automatic annotation of temporal features in discourse: the case of syllabic duration in spontaneous French // 15th ICPHS Barcelona. P. 2957—2960.
3. *Bannert Robert, Botinis Antonis, Gawronska Barbara, Katsika Argyro*. Discourse structure and prosodic correlates // 15th ICPHS Barcelona. P. 1229—1232.
4. *Bogliotti Caroline*. Relation between categorical perception of speech and reading acquisition // 15th ICPHS Barcelona. P. 885—888.
5. *Bolotova Olga*. On some acoustic features of spontaneous speech and reading in Russian (quantitative and qualitative comparison methods) // 15th ICPHS Barcelona. P. 913.
6. *Bondarko Liya V., Volskaya Nina B., Tananaiko Svetlana O., Vasilieva Ludmila A.* Phonetic properties of Russian spontaneous speech // 15th ICPHS Barcelona. P. 2973—2976.
7. *Carlson Rolf, Swerts Marc*. Perceptually based prediction of upcoming prosodic breaks in spontaneous Swedish speech materials // 15th ICPHS Barcelona. P. 507—510.
8. *Corbin Olivier*. Phoneme deletion in spontaneous British English // 15th ICPHS Barcelona. P. 2813—2816.
9. *Couper-Kuhlen Elizabeth*. On initial boundary tones in English conversation // 15th ICPHS Barcelona. P. 119—122.
10. *Silva Viola, de, Iivonen Antti, Bondarko Liya V., Pols Louis C.W.* Common and language dependent phonetic differences between read and spontaneous speech in Russian, Finnish and Dutch // 15th ICPHS Barcelona. P. 2977—2980.
11. *Divenyj Pierre L., Brandmeyer Alex*. The «cocktail-party effect» and prosodic rhythm: Discrimination of the temporal structure of speech-like sequences in temporal interference // 15th ICPHS Barcelona. P. 2777—2780.
12. *Duběda Tomáš*. Prosody and syntax in spontaneous speech: evidence from Czech and French // 15th ICPHS Barcelona. P. 2079—2082.
13. *Duez Danielle*. Acoustic properties of consonant sequences in conversational French speech // 15th ICPHS Barcelona. P. 2965—2968.
14. *Ejstrup Michael, Foget Hansen Gert*. Danish vowels in spontaneous speech in three modern regional variants // 15th ICPHS Barcelona. P. 2119—2122.

*См. сноску 11.

15. *Engstrand Olle, Krull Diana*. Rhythmic intentions or rhythmic consequences? Cross-language observations of casual speech // 15th ICPHS Barcelona. P. 2789—2792.
16. *Giannini Antonella*. Hesitation phenomena in spontaneous Italian // 15th ICPHS Barcelona. P. 2653—2656.
17. *Greisbach Reinhold, Mücke Doris, Warnking Maja*. Articulatory investigations of assimilatory processes in German spontaneous speech // 15th ICPHS Barcelona. P. 2969—2972.
18. *Haike Jacobs*. The change from left word-edge stress to right word-edge stress // 15th ICPHS Barcelona. P. 71—74.
19. *Heldner Mattias, Megyesi Beáta*. Exploring the prosody-syntax interface in conversations // 15th ICPHS Barcelona. P. 2501—2504.
20. *Horne Merle, Frid Johan, Lastow Birgitta, Bruce Gösta, Svensson Adina*. Hesitation disfluencies in Swedish: prosodic and segmental correlates // 15th ICPHS Barcelona. P. 2429—2432.
21. *Li-chiung Yang*. Duration and pauses as phrasal and boundary marking indicators in speech // 15th ICPHS Barcelona. P. 1791—1794.
22. *Local John*. Phonetics and talk-in-interaction // 15th ICPHS Barcelona. P. 115—118.
23. *McQueen James M., Taehong Cho*. The use of domain-initial strengthening in segmentation of continuous English speech // 15th ICPHS Barcelona. P. 2993—2996.
24. *Nikolaidis Katerina*. Acoustic variability of vowels in Greek spontaneous speech // 15th ICPHS Barcelona. P. 3221—3224.
25. *Ogden Richard*. Voice quality as a resource for the management of turn-taking in Finnish talk-in-interaction // 15th ICPHS Barcelona. P. 123—126.
26. *Peters Benno*. Multiple cues for phonetic phrase boundaries in German spontaneous speech // 15th ICPHS Barcelona. P. 1795—1798.
27. *Svetozarova Natalia D., Kuosmanen Anne*. Declination and finality in spontaneous and read speech in Russian // 15th ICPHS Barcelona. P. 1297—1300.
28. *Tøndering John*. Intonation contours in Danish spontaneous speech // 15th ICPHS Barcelona. P. 1241—1244.
29. *Tzu-ting Su*. Using the same methodology to compare reduction and assimilation phenomena in spontaneous French and Taiwanese Mandarin // 15th ICPHS Barcelona. P. 2713—2716.
30. *Walker Gareth*. «Doing a rushthrough» — A phonetic resource for holding the turn in everyday conversation // 15th ICPHS Barcelona. P. 1847—1850.
31. *Weilhammer Karl, Rabold Susen*. Durational aspects in turn taking // 15th ICPHS Barcelona. P. 2145—2148.